

Culture of Uzbekistan and the policy of the soviet power in 1920–1930

Z. ISHANKHODZHAYEVA¹

National University of Uzbekistan

ARTICLE INFO

Article history:

Received December 2021

Received in revised form

15 December 2022

Accepted 20 January 2022

Available online

25 February 2022

Keywords:

“Cultural Revolution”,
national customs,
traditions,
libraries, museums,
Uzbek people,
national intelligentsia.

ABSTRACT

In this article, the issues of the cultural policy of the Soviet government in Uzbekistan in 1920–1930 are considered. The events reflecting the attitude of the Soviet government to cultural and educational institutions are analyzed.

2181-1415/© 2022 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss1-pp17-23>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

1920–1930 йилларда Ўзбекистон маданияти ва совет ҳокимиятининг сиёсати

АННОТАЦИЯ

Калим сўзлар:

Маданий инқилоб”,
миллий қадриятлар,
анъаналар,
кутубхоналар,
музейлар,
ўзбек халқи,
миллат зиёлилари.

Мақолада 1920–1930-йилларда совет ҳукуматининг Ўзбекистонда маданият соҳасидаги сиёсати масалалари кўриб чиқилган, маданий-маърифий муассасаларга совет ҳукуматининг муносабати таҳлил қилинган.

¹ Professor, Doctor of Historical Sciences National University of Uzbekistan. Tashkent, Uzbekistan.

Культура Узбекистана и политика советской власти в 1920–1930 гг.

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

«Культурная революция», национальные обычаи, традиции, библиотеки, музеи, узбекский народ, национальная интеллигенция.

В данной статье, рассмотрены вопросы проведения культурной политики советской власти в Узбекистане в 1920–1930 гг. Анализируются события, отражающие отношение советской власти к культурно-просветительским учреждениям.

Сразу же после установления советской власти в Узбекистане большевики планировали шаг за шагом, проводить преобразования во всех сферах жизни. Было объявлено, о проведении мероприятий по индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции. И наконец, по самому сложному для многонациональной страны, национальному вопросу [1. С. 11]. В провозглашенных большевиками лозунгах, было много привлекательного для простого народа решений. Но на деле это оказалось не совсем так. Не затрагивая вопросов индустриализации, коллективизации и национального, в данной статье авторы, хотели бы рассмотреть политику большевиков в культурной сфере в Узбекистане. Политика, проводимая советской властью в сфере культуры, была весьма противоречивой и неоднозначной. С одной стороны, она провозгласила проведение реформ и политики «культурной революции», с другой – она была нацелена на утверждение коммунистической идеологии, а также на отрыв от исторических корней, национальных обычаев и традиций узбекского народа [2]. Под культурной революцией, подразумевали коренной переворот в духовной жизни общества, произошедший после Октября 1917 г. При этом, обращалось внимание, почти исключительно на положительные последствия перемен в идеологической жизни, образовании, науке, художественном творчестве [3]. Актуальность обращения к данной теме, определяется тем, что несмотря на огромный интерес историков к проблеме культурной политики в советский период истории и ее разработанность, влияние на культурную жизнь, в целом культуру и людей, внесших большой вклад в ее развитие, остается практически не освещенной. Судьбы представителей национальной интеллигенции, отчасти подвергаются изучению, но не в контексте общих культурных процессов. Это касается, прежде всего процессов, протекавших на тяжелом фоне репрессивного режима советской власти [4]. В последние годы, историки Узбекистане много сделали для критического пересмотра этих вопросов, а именно, проанализированы как достижения, так и проблемы, и, связанные с ними большие потери в культурной жизни Узбекистана в годы советской власти. Также, исследованиями этого периода занимались зарубежные ученые, которые, изучали общие и некоторые отдельные вопросы, касающиеся рассматриваемого периода [5]. Несмотря, на проведенные исследования, целый ряд вопросов, связанных с исследованием вопросов власти и культурной жизни в 1920-1940-е годы, остается еще малоизученным. Данная статья, раскрывает некоторые особенности политики советской власти в сфере культуры в Узбекистане в указанный период.

Как указывалось выше, большевистские преобразования в области культуры были задуманы ими как революционные. Но они, качественно отличались от культурной практики как царской России, так и других государств. Под «культурной революцией» следует понимать исторически конкретный тип политики, который, предопределил условия и содержание духовного развития общества в Узбекистане после 1917 г. [6]. В данном случае, основной задачей «культурной революции» было утверждение идеологии большевиков, как единственной верной и необходимой, при этом не учитывался менталитет узбекского народа, его самобытная культура, формировавшаяся на протяжении тысячелетий. Предполагаемая широкая демократизация культурной жизни представлялась и как просвещение народа, и как его вовлечение в создание культурных ценностей. Этот путь, отмечен не только несомненными достижениями, но и значительными потерями [7]. Следует добавить – и разгулом репрессий среди наиболее талантливых представителей этой сферы.

К моменту установления советской власти, большевики еще не имели четкой программы проведения культурной политики в национальных республиках. Но по мере, её самоутверждения, ориентиры постепенно вырисовывались, выливаясь по существу в ущемление интересов наций и народностей. Остановимся на некоторых фактах, подтверждающих недоброжелательного отношения власти к национальным культурам. Одним из ярких примеров негативного отношения властей к культурной сфере, в том числе к деятельности культурно – просветительских учреждений, может служить предпринятая в декабре 1937 г. акция по ликвидации в Узбекистане обширного числа клубов национальных меньшинств и клубов других национальностей, проживавших, в то время в Узбекистане. Показательна, при этом мотивировка данного решения, отражавшая атмосферу насилия и логику репрессивного мышления тех лет. В частности, в постановлении СНК ЦК КП(б) Узбекской ССР по указанному вопросу недвусмысленно подчеркивалось, что одной из главных причин закрытия опальных клубов явилось «... превращение их в сорища антисоветских, контрреволюционных и шпионских элементов, которые использовали клубы в своих вредительских целях» [8]. В составе таковых назывались польский, еврейский, местно-еврейский и уйгурский клубы в гор. Ташкенте, клуб им. Озет в Коканде, местно-еврейский и армянский клубы в Самарканде. В соответствии с таким подходом к 1 января 1938 г. оказались ликвидированы в Ташкенте: польский, татаро-башкирский, азербайджанский, местно-еврейский, уйгурский, венгерский клубы, в Самарканде: местно-еврейский и армянский клубы; в Коканде: армянский и местно-еврейский; в Бухаре – местно-еврейский; в Андижане – уйгурский; в Кермине – татаро-башкирский клубы; в Намангане – клуб национальных меньшинств [8]. Аналогичная практика поиска «врагов народа», стремление властей списать на них все недостатки в организации практической работы, а также в материально-техническом обеспечении культурно-просветительских учреждений наблюдалась и по другим структурным подразделениям этих «очагов культуры».

К примеру, еще в 1932 г. коллектив городской библиотеки им. Махмудходжи Бехбуди [9] в г. Самарканде обратился в Совнарком УзССР с просьбой оказать посильную помощь в укреплении ее материального положения, ожидая помощи от властных структур [10].

Просьбу, схожего характера высказывали и работники других библиотек республики. Однако, несмотря на письма-обращения такого рода, из года в год, библиотеки продолжали содержаться на голодном финансовом пайке. В частности, в 1935 г. ассигнование на текущее содержание библиотечной сети Узбекистана выражалось в сумме 2 211,5 тыс. руб. В 1936 г. оно возросло до 2,5 млн. руб., в то время как реальная потребность выражалась в сумме 3 млн. 658,4 тыс. руб. Причем в 1936 г., согласно постановлению Совнаркома УзССР, Наркомпрос, городские советы, окружные и районные исполкомы должны были обеспечить организацию во всех районных центрах республики районными (центральными) библиотеками и увеличить сеть рядовых библиотек с таким расчетом, «чтобы к концу 1936 г. иметь в республике не менее 855 политпросветских библиотек» [11]. Но средства, выделяемые для решения этой задачи, были мизерные и никак не могли покрыть требуемые для решения вопроса расходы.

Весьма очевидно, что подобная практика не могла обеспечить должного повышения качества библиотечного дела, сдерживала возможности библиотек в налаживании эффективной культурно-просветительской работы. Но чиновнично-бюрократический аппарат, особенно после 1934 г., когда по всей стране, в том числе и в Узбекистане, прокатилась волна политических репрессий, оправдывал сложившуюся ситуацию «вредительской» деятельностью «врагов народа». Так, в докладной записке начальника Библиотечного управления Наркомпроса, направленной в июне 1937 г. замнаркому просвещения Узбекской ССР Кичанову, указывалось: «Сеть библиотек системы Наркомпроса... засорена вредителями, врагами народа, троцкистами... Враги народа подобрались к руководству многих библиотек вредили на этом участке культурного фронта.

Самаркандская государственная библиотека до последних дней не оставалась очищенной от контрреволюционного хлама. Это тоже дело рук врагов» [12] – сообщалось в докладной записке.

Подобные письма писались неоднократно, излагая по сути мелкие конфликты и наводя клевету на невиновных людей, которая тут же подхватывалась соответствующими органами и принимались меры, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что касается музеиного дела – то здесь мы также можем видеть картину поисков «врагов народа». Так в опубликованной 28 сентября 1937 г. в газете «Кизил Узбекистон» статье «Еще один факт, показывающий политическую слепоту» [13] в этой связи говорилось: «Узбекистанский Наркомпрос в своем ведении имеет около десятка музеев, но руководства над ними никогда не было... Долгое время музеи Узбекистана не имели постоянного своего хозяина, переходили из рук в руки. Наркомпрос тоже не обеспечил хорошего руководства музеями. Этим воспользовались враги народа и аферисты, которые в течение более двух лет безнаказанно творили свои дела в Узбекистанском музее народного хозяйства» – заключалось в статье.

Более подробная картина «вредительства» в музее народного хозяйства содержится в докладной [14] Е.М. Никифоровой, назначенной временно исполняющей обязанности директора музея, 14 января 1937 г. Показательно при этом, что данная докладная была направлена 3 октября 1937 г. не только в Наркомпрос, но и в органы НКВД.

Обращает на себя внимание и тот факт, что развязанная властями кампания классового террора негативно воздействовала на умы немалого числа людей, которые, руководствуясь логикой конфронтационного мышления, из карьеристских или иных корыстных интересов стали посыпать политические доносы в карательные и другие властные органы на сотрудничавших рядом с ними членов производственных коллективов, а также неугодных им лиц. Такого рода деятельность тем самым постепенно приводила к деморализации общества в целом.

Собственно, проводилась откровенная политизация музейного дела, выражавшая официальные взгляды тогдашнего руководства, это нашло практическое выражение во всей последующей деятельности музеев как страны в целом, так и Узбекистана в частности. Построенная на примате руководящей роли партии, восхваления советского культового режима, она по-прежнему нацеливала на поиск «вредителей», на раздувание истории «классовых боев» с «внутренними врагами».

В итоге, продолжались гонения на представителей культурной сферы. 28 апреля 1935 г. был приговорен к 6-ти годам лишения свободы известный узбекский кинорежиссёр Сулейман Ходжаев. В вину ему было поставлено то, что он «в ноябре 1937 г. у себя на квартире в группе 3-х человек вспоминая свою недавнюю поездку во Францию, говорил о наличии большей и реальной демократии, а также и свободы печати во Франции, чем в Советском Союзе. Подтверждал это тем, что во Франции различные политические партии имеют свои печатные органы, свободно критикующие действия отдельных представителей, попробуй это сделать в нашем Союзе и что с Вами будет завтра» – сокрушался С. Ходжаев.

Впоследствии, Сулеймана Ходжаева обвинили в том, что в кругу своих знакомых он критиковал мероприятия руководства Союза, направленные на выполнение хлопкоуборочной кампании 1934 г., доказывая, что «за неурожай судят колхозников, применяют жесткие меры к не выполняющим хлопковые поставки», несмотря на то они не виноваты в этом [11. С. 115].

Фактически полному разгрому со стороны властей подвергся коллектив Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека). В 1936 г. ее директор профессор-историк П.П. Смирнов чудом избежал ареста. До этого его, сосланного из Киевского университета в Ташкент, лишили права читать лекции в САГУ и использовали в качестве технического работника. Вовремя предупрежденный о предстоящем аресте, он поспешил покинуть Ташкент и уехал в Москву, где впоследствии являлся профессором Московского историко-архивного института [15. С. 28].

Ареста не избежала ближайшая помощница П.П. Смирнова по фундаментальной библиотеке САГУ этнограф Н.В. Брюллова-Шаскольская. Обвиненная в «контрреволюционной деятельности». Она, была расстреляна 9 октября 1937 г. Реабилитирована Н.В. Брюллова-Шаскольская была 6 августа 1957 г [15. С. 28] посмертно.

В том же, 1937 г. был арестован редактор Андижанской газеты Алимбай-Ходжа Бабаходжаев, обвиненный в том, что «...распространял антисоветскую клевету, говорил, что советская власть не принадлежит рабочему классу, а потому

колхозы не обеспечиваются хлебом и промтоварами, колхозники голодные и голые от голода умирают». Был осужден на 8 лет. Но через год скончался при невыясненных обстоятельствах.

5 августа 1937 г. в Москве был арестован старший библиограф и переводчик по тюркским языкам Всесоюзной книжной палаты Комитета наук при ЦИК СССР Кудратулла Юнусов. Он был обвинен в том, что в 1915 г. вступил в «буржуазно-националистическое культурно-просветительное общество «Туран», которое возглавляли, по версии работников НКВД, «известные националисты» Низаметдин Ходжаев, Абдулла Авлони, Салахутдин Муфти, Шакирджан Рахими, Мир Азимов и др.». В 1920 г. его, якобы, «завербовал» в «националистическую организацию «Миллий-Иттиход» Башрулла Хан Асадула Ходжаев». По этому делу проходили также С. Турсунходжаев, Абдукахар Кушбегиев, Али Расулов, Салимхан Тилляханов, Ташпулат Нарбутабеков, Юсуп Алиев, Тангрикул Ходжиев, Мунаввар Кары, Темир Кулходжиев, Гулам Икрамов, Абдувахид Бурханов, Рысколов и многие другие видные представители национальной интеллигенции. Кудратулла Юнусов был расстрелян как «враг народа» 5 октября 1938 г., реабилитирован 26 апреля 1989 г. тоже посмертно.

В целом же, в результате развернувшихся во второй половине 30-х годов массовых арестов, к весне 1938 г. оказалось репрессировано более 60 % всего состава руководящих и хозяйственных работников, представителей национальной интеллигенции [11, С. 116].

Вторая мировая война, которая началась для Узбекистана, как и для всего СССР в 1941 году, объективно потребовала заметной перестройки идеологической и массово-политической работы, смещение акцентов в деятельности средств массовой информации и культурно-просветительных учреждений. В это сложное для всего советского народа время руководство страны и республики предприняло энергичные усилия по активизации роли идеологических институтов в мобилизации широких народных масс на отпор врагу. К этой теме автор собирается вернуться в своих последующих работах.

По истечении времени видно, что предпринимаемые меры, как и прежде, в принципе осуществлялись в рамках устоявшихся марксистских установок. Культурно-идеологическая работа носила политизированный характер, но ее заслугой явилось то, что всем своим содержанием идеально-политическая деятельность властных органов была нацелена на превращение страны в единый боевой лагерь для отпора врагу.

Таким образом, из приведенных материалов, мы видим, что несмотря на востребованность в условиях советской власти культурно-просветительских учреждений, их роли в жизни общества в различные периоды истории, проводимая большевиками политика преследований представителей этой сферы привела к большим и невосполнимым потерям, что конечно же сказалось на сохранении и пропаганде культурных ценностей народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Узбекская советская социалистическая республика. Абраков З.С., Аванесов Р.Х., Гаибов Н. и др. Ташкент; Узбекистан – 1977 г.
2. Культурная жизнь в Туркестане в период 1920–1930-е гг. – <http://testhistory.ru/history>. Дата обращения 12.01.2019.

3. Вдовин А.И. Культурная политика советской власти. - <https://www.portal-slovo.ru/history>. Дата обращения 12.01.2019.

4. Ишанходжаева З.Р. (2012). Репрессивная политика советской власти и ее воздействие на культурную жизнь Узбекистана (1925–1950 гг.): автореферат дис... доктора исторических наук: 07.00.01.; Адилов А.А. Советская власть и ислам: взаимоотношения государства и религии в Туркестане (1917–1920 гг.) // Проблемы современной науки и образования. 2021. – № 10 (167). – С. 20–25.

5. Conquest R. «The Harvest of Sorrow. Soviet collectiozation and the Terror. – fa mine. – New York, 1986; – Р. 416. Bennigsen A. Co – authorship with Chantal Lamercier Quelquejay. Islam in the Soviet Union. – New York: Praeger, 1967 – Р. 272 и др. См. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и её воздействие на культурную жизнь Узбекистана (1925–1950 гг.). 07.00.01. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент 2012. <https://docplayer.ru/47044603-.html>. Дата обращения 30.11.2019.

6. Культурная жизнь в Туркестане в период 1920-1930-е гг. – <http://testhistory.ru/history>. Дата обращения 12.01.2019.

7. Вдовин А.И. Культурная политика советской власти. - <https://www.portal-slovo.ru/history>. Дата обращения 12.01.2019.

8. НА Уз, ф. Р-837, оп. 32, д. 759 Проекты Постановлений СНК УзССР, л. 132.

9. Бехбуди Махмудходжа – просветитель, которого справедливого называют основоположником узбекской драматургии. Лидер джадидов – сторонников новометодного обучения. <https://arboblar.uz/ru>. Дата обращения 13.01.2019.

10. НА Уз, ф. Р-837, оп. 10 д. 882 Постановления НКФ УзССР, л. 32–32 об.

11. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953). «Tafakkur». Ташкент – 2011; Rakhman Mukhammadiev. (2021). Organizational Skills of Usman Yusupov In The Second World War. The American Journal of Social Science and Education Innovations, 3(11), 119-124.; Ishankhodjayev Z.R., Beknazarova S.S., Xamroyev D.D. The Use of Information Technology: Projecting data base in History / Academia Arena 2021; 13 (12), USA-2021. – Р. 6–9.

12. НА Уз, ф. Р-94, оп. 5, д. 1472 Материалы Наркомпроса, л. 24.

13. Еще один факт, показывающий политическую слепоту // Кизил Узбекистон. 1937, 28 сентября.

14. НА Уз, ф. Р-94, оп. 5, д. 2251 Материалы Наркомпроса, л. 5–7.

15. Ишанходжаева З.Р. Красный террор и расстрелянные библиотеки Ташкента // Вестник НУУз. – Ташкент, 2000. – № 4. – С. 28; Ишанходжаева З.Р. Управление культурной политикой и идеологией в Узбекистане в 1920-е-1930-е гг. // Южный Урал: история, историография, источники. 2018. – С. 38–43.